

УДК 82-93

Шипова Г.А.

Московский городской педагогический университет

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «Я» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
АВТОБИОГРАФИИ О ДЕТСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ
П.В. САНАЕВА «ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ» И
Н.И. НУСИНОВОЙ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖЕРИКА»)**

G.Shipova

Moscow City Pedagogical University

**REPRESENTATION OF IMAGE "I" IN THE ART AUTOBIOGRAPHY
ABOUT THE CHILDHOOD (BASED ON "BURY ME BEHIND A PLINTH"
BY P. SANAEV AND "THE ADVENTURE OF JERIK" BY N.NUSINOVA)**

Аннотация. Статья посвящена образу героя автобиографического повествования о детстве. Выбор объектов исследования обусловлен принадлежностью авторов к единой культурной среде. Сопоставление произведений позволило выявить общее в способах репрезентации «Я». Повествование ведется от первого лица, где образ повествователя имплицитен. Точка зрения повествователя проявляется преимущественно в использовании приёмов комического как универсального средства переоценки прошлого и самоинтерпретации. Составляющими образа ребёнка становятся характерные особенности детского мировосприятия, тогда как репрезентативность социально значимых самоидентификаций заметно снижается. Образы фантазии, размышления или сна подчёркивают уникальность внутреннего мира маленького героя.

Ключевые слова: детство, автобиографическое «Я», образ повествователя, образ героя-ребёнка, субъектно-речевой план, языковые средства, приёмы комического.

Abstract. The paper is devoted to the image of the main character of the autobiographical stories about a childhood. The choice of research objects is based on the fact that the authors belong to a single culture. The comparison of the works revealed a general features in representation of "I". The narrative goes from the first person, and the image of the narrator is implicit. The narrator's point of view is manifested mainly in the use comic devices as a universal means of self-interpretation and re-evaluation of the past. The components of the image of the child are the characteristic features of children's perception of the world, while the representation of socially significant identity is markedly reduced. Images of fantasy, meditation or dreams emphasize the uniqueness of the inner world of the little character.

Key words: childhood, autobiographical "I", the image of the narrator, the image of the child, subjective-speech plan, language tools, comic devices.

«Человек является наполовину тем, что он есть, а наполовину тем, чем он хотел бы стать, сказал Оскар Уайльд. Если это так, то советские дети шестидесятых и семидесятых были все наполовину космонавтами» [7, с. 1]. Обращение к теме советского детства как «частному измерению истории» [3, с. 231] стало частью и/или основным способом художественной автобиографической самопрезентации. Ретроспективный вектор постсоветской прозы направляет внимание писателей к детским воспоминаниям. Осмысление собственного становления в историческом процессе является онтологической потребностью, как показало развитие мемуарно-автобиографического жанра, особенно, в периоды смены культурно-ценностной

парадигмы [2; 5; 8]. Актуальность изучения жанра художественной автобиографии подтверждается общественным интересом и научным вниманием (особенно, со стороны истории и педагогической антропологии) к эго-текстам о детстве [2].

Целью данной статьи мы определили анализ способов репрезентации автобиографического «Я». Согласно цели работы в наши задачи входит: изучение способов репрезентации и языковых приёмов воплощения образа ребёнка и образа повествователя, обозначенных местоимением «Я». Среди традиционных литературоведческих подходов нами выбрано исследование творчества нескольких писателей-современников, произведения которых тематически близки. Данный подход продуктивен для выявления закономерностей литературного процесса, так как позволяет сопоставить произведения одного периода между собой и в исторической ретроспективе. Объектом исследования стали автобиографические произведения о детстве современных авторов: повесть П.В. Санаева «Похороните меня за плинтусом» (1996) и Н.И. Нусиновой «Приключение Джерика» (2007). Произведение П.В. Санаева посвящено детству 70-х – начала 80-х годов, Н.И. Нусиновой – 60-м годам XX века. Выбранные нами произведения известны широкому кругу читателей.

Общность культурной среды и творческих интересов авторов – немаловажный факт для исследования автобиографии. По утверждению Т.М. Колядич, «у авторов, относящихся к одному поколению и социальному окружению, получивших образование в одно и то же время, волею обстоятельств ставших свидетелями одинаковых событий» [4, с. 101] отмечается общность художественных образов и психологических состояний. П.В. Санаев и Н.И. Нусинова принадлежат к разным поколениям одной исторической эпохи. Выходцы из интеллигентных московских семей, они росли в тесном соприкосновении с миром детского советского кино. Отец Н.И. Нусиновой, Илья Нусинов, и будущий отчим

П.В. Санаева, Ролан Быков, сотрудничали в конце 60-х – начале 70-х гг. В автобиографиях П.В. Санаева и Н.И. Нусиновой встречаются общие имена Е. Санаевой и Р. Быкова. Н.И. Нусинова и П.В. Санаев, дебютировавшие в жанре художественной автобиографии о детстве, известны как режиссеры.

В автобиографических произведениях П.В. Санаева и Н.И. Нусиновой образ повествователя скорее обозначен, чем представлен. Произведение П.В. Санаева адресовано взрослой аудитории, произведение Н.И. Нусиновой имеет детскую адресацию, но уже с начала произведения становится ясно, что собеседником Н.И. Нусинова видит не только ребёнка: «**Ну как объяснить сегодняшнему школьнику, кто такие «тимуровцы» или «старые большевики»? У современных детей все это вызовет, наверное, смех, а скорее всего – недоумение. «А почему вы позволяли такое?» – спросят они нас**» [6, с. 6].

«Я» повествователя явлено, в основном, во вступлении в форме обращений к адресату и прямого выражения интенций автобиографического письма (у Н.И. Нусиновой). Повествователь выступает как субъект непосредственного высказывания: «Свою повесть я решил начать...», «Вам, наверное, покажется странным...» [9, с. 7, 16]. Интенции повествователей различны. П.В. Санаев, беседуя с читателем, доверчив и откровенен. Исповедальный тон произведения предполагает сочувствие и понимание внутренней жизни детской души со стороны читателя. Беседа Н.И. Нусиновой направлена на выработку определённых позиций и отношений: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы полюбили её [книги] героев, как люблю их я» [6, с. 8]. Автор ищет в читателе единомышленника. С читателем-взрослым Н.И. Нусинова ведёт диалог через интертекстуальные связи и культурные коды. Иногда автором используются информативные сопоставительные фрагменты «тогда-теперь», что свидетельствует об адресации ребёнку.

Имплицитность образа повествователя не делает его образ неразличимым. Само-

презентация является предметом повествования по закону жанра: читатель получает представление о личностных идеалах, ценностях и эмоциях повествователя через авторскую оценку лиц, ситуаций, собственных поступков, художественных произведений. Саморефлексия (лирическая, ироническая или же «фактическая» (например: «я не понимала...»)) знакомит нас с образом «Я» в динамике [5, с. 247-271].

В заглавиях произведений «Похороните меня за плинтусом» и «Приключения Джерика» фигурирует образ, принадлежащий миру детства. В первом случае заглавием становится образ, возникший в детском сознании; во втором – актуальные события и персонаж детства. Заглавие служит сигналом того, что в автобиографическом повествовании авторы стремятся к превалированию детской точки зрения. Автобиографии написаны от первого лица. Формой первого лица в повести обозначен и повествователь, и автобиографический герой. Повествование ведётся от лица ребёнка, однако образ «я» ребёнка формируется «на стыке» субъектно-речевых планов героя и повествователя. На языковом уровне смежность образов ребёнка и повествователя отражается в смешении подчёркнуто-книжного и разговорного стиля речи. Например: «– Кончились холуи...– добавила бабушка и вдруг выронила чайник.

От чайника медленно отвалилась ручка. Он тихо и жалобно звякнул, словно прощаясь с жизнью, и распался на несколько частей. Красная крышечка, как будто угадывая, что сейчас произойдет, предусмотрительно укатилась под холодильник и, вероятно, удобно там устроившись, удовлетворенно дзинькнула. Я позавидовал крышке, назвав ее про себя пронырой, и со страхом поднял глаза на бабушку...» [9, с. 12]

В текстах в полной мере реализуется семантическая особенность грамматической формы первого лица, «субъективность взгляда на мир» [1, с. 344]. Объективизация картины художественной действительности осуществляется за счёт взаимодействия

точек зрения системы персонажей. Голоса персонажей восполняют информацию, которой не владеет маленький герой. Кроме того, высказывания персонажей, связанные с ребёнком, играют роль в создании детского образа или самообъективизации: «*“Ты что! - ответила я ей гордо. – “Малинка” - это для дошкольников! А у нас – СЕРЬЕЗНЫЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ РЕПЕРТУАР!” – “О Господи, прости нас, грешных!” – сказала бабушка и пошла готовить ужин*» [6, с. 34].

Частичная нейтрализация образа повествователя и изображение событий с точки зрения ребёнка, непосредственно их переживающего, как бы приближает прошлое. Субъектно-речевой план маленького героя, в основном состоит из несобственно-прямой и внутренней речи, иногда используется прямая речь героя-ребёнка. Границы между речью повествователя и героя-ребёнка размыты, особенно на повествовательных отрезках, характеризующихся диффузностью точек зрения. В случае несовпадения оценочного плана, мы можем различить образы прошлого и настоящего «Я»: «*Во время репетиций учительница пения ходила по рядам и приговаривала: “Не понимаю, кто это мне весь хор портит?” Мне показалось, что она не должна так говорить, и вообще это было неприятно и неприлично и уж конечно, относилось не ко мне, потому что я пела ГРОМКО, но на всякий случай, когда она проходила мимо, я замолкала. “Наташенька робкая», – умиленно говорила учительница, а я скромно опускала глаза. Так мне удалось продержаться довольно долго*» [6, с. 36]. Противопоставление точек зрения повествователя и героя, продиктованное отличиями взрослой и детской (или общественной и семейной ценностной) картины мира, регулярно обыгрывается в комическом ключе. Приёмы комического, таким образом, можно назвать особыми художественными средствами, принадлежащими субъектно-речевому плану повествователя, так как именно средства комического являются «маркерами» осознанной с позиции настоящего автобиографии.

Язык комического многофункционален. Юмор повествователя – одна из особенностей его коммуникативной позиции. В повести П.В. Санаева юмор и ирония придают привлекательную форму трагическому содержанию. Маленький герой не может защититься от взрослых так же, как повествователь не в состоянии изменить прошлое, однако жизнеутверждающий взгляд из настоящего позволяет психологически «обезопасить» содержание собственной памяти. У Н.И. Нусиновой смех имеет множество оттенков и трансформируется в зависимости от предмета, о котором идёт речь: от весёлого и добродушного юмора относительно отца к иронии относительно бабушки и до сарказма, с которым изображены социально-характерные явления представители социалистического общества. Шутки Н.И. Нусиновой стилизованы под детские наивностью недопонимания общественных явлений, подчёркивающих абсурдность таковых и непосредственностью их интерпретации. Последняя достигается сочетанием лексики делового и «детского» разговорного дискурса: *«Иногда они [все старые большевики] собирались на ПАРТСОБРАНИЯ, пили чай, обсуждали РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА и ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД и думали, что же теперь делать со страной, спорили друг с другом и ссорились – даже чаще, чем мы с Таней, а потом мирлись – тоже совсем как мы...»* [6, с. 77].

Самоирония является одним из традиционных средств самоизображения в детстве, а чаще в юности. Современные авторы иронизируют на предмет недостатка компетентности у героя-ребёнка, обычно в ситуации отрицательных явлений в поведении взрослых. Например, отсутствие учёта «двойных стандартов» общения у П.В. Санаева проявляется в том, что мальчик, стремясь сообщить приятное гомеопату, говорит: *«А у вас тут есть что пограбить... А там ещё больше!»* [9, с. 45], случайно озвучивая точку зрения бабушки. Предметом самоиронии у П.В. Санаева становится крайняя впечатлительность, беспомощность и т. д. Однако в целом

ирония в автобиографиях направлена на недостатки мира взрослых: жестокость, алчность, завистливость, агрессию, лживость, пьянство, честолюбие, искажённую систему ценностей:

«– И ещё ко всему и идиот?» [изумляются в ответ на рассказ о внуке случайные собеседники бабушки].

– Полный! – с уверенностью восклицает бабушка, и чувство гордости за внука переполняет её: второго такого нет ни у кого» [9, 23].

С помощью средств комического автор выражает свою оценку явлений прошлого и их современную интерпретацию. Так, у Н.И. Нусиновой практически неотъемлемой частью самоиронических контекстов являются советизмы. Использование советизмов в детской речи становится свидетельством детских заблуждений, обусловленных влиянием общественно-исторической ситуации.

Несмотря на то что в произведениях описаны разные десятилетия советского прошлого, нельзя не заметить общего: и в той и в другой повести беда в жизни ребёнка обусловлена трагическими событиями из истории его семьи. «Политическое и домашнее <...> сплетались и “взаимно объясняли друг друга” уже очень рано, чуть ли не с первых воспоминаний. Практическое отсутствие гинекея, автономной и, главное, защищённой области детства как такового и наполняет для нынешних тридцати- и сорокалетних эту зыбкую и сумеречную зону именно *знаками истории*», – пишет Дмитриев и доказывает современная автобиография. Биографии родных исказили война и репрессии. Родной дом Саши Савельева («Похороните меня за плинтусом») навсегда утратил гармонию семейных отношений, семья Наташи живёт в негласной оппозиции с обществом. Дети в произведениях П.В. Санаева и Н.И. Нусиновой изолированы от общества, насколько это возможно. В случае Саши изоляция – уничтожение, в случае Наташи – нежный защитный «кокон шелкопряда», но в обоих вариантах автобиографическое повествование о совет-

ском детстве содержит картины «экзотики» и парадоксальности, будь то масштабные социальные явления или особый склад личности взрослого.

Мы подошли к ещё одной особенности современной художественной автобиографии: при репрезентации образа ребенка перечень самоидентификаций крайне узок. Авторы почти не касаются школьной темы. Буквально несколько страниц, а в произведении Н.И. Нусиновой несколько строк отведены описанию общения со сверстниками. Типичная «другоцентричность» детского мышления не находит отражения в произведениях. В текстах доминирует семейная самоидентификация: «сын», «внучка», «сестра». У Н.И. Нусиновой она дополняется национальной, но и та тесно связана с чувством семейной принадлежности. Социальные идентификации «ученик», а также значимые в прошлом иницирующие идентификации «октябрёнок», «пионер» не участвуют в создании образа автобиографического героя-ребёнка.

При отсутствии личностного сходства между маленькими героями автобиографических произведений, мы можем говорить об общем в повествовательной стратегии авторов. Прежде всего, мир их героя – это семья. В повествовании писатели стремятся к индивидуализации и интимизации образа детского «Я». Средством самообъективации или развития образа «Я» служат оценки и характеристики со стороны других персонажей. Значительную роль в создании образа ребёнка играют образы детского мировосприятия. У П.В. Санаева они актуализируются и «уплотняются» в отрывках, описывающих сон или бред (изолированное от взрослых состояние сплетения сознания и подсознания). У Н.И. Нусиновой образы детского мировосприятия – это образы фантазирования-рассказывания, где в интерпретацию событий социально-исторического характера вплетаются специфические единицы детского дискурса (из семантического поля «игра», «дружба» и др.).

Передача речи героя-ребёнка является важным способом личностной характеристики детского «Я». Частотный приём изображения детской речи заключается в интеграции выражения взрослого в реплику ребенка. Данный приём используется у обоих авторов, но реализует разные дополнительные смыслы: «Мама **променяла** меня на **карлика-кровопийцу** и повесила на **бабушкину шею тяжкой крестягой**. Так я с четырёх лет и вишу» [9, с. 7]. Чужое слово в данном случае бабушкино: жаргонные или просторечные выражения, бытующие в домашней среде, служат конструктами детской картины мира и самовосприятия. Высвобождённое из устойчивого выражения в форме «вишу» несёт смысл пассивности и безвольности. У Н.И. Нусиновой цитата высказывания влиятельного взрослого, чаще всего, советизм, несёт значение детского заблуждения. В тексте Н.И. Нусиновой с детской адресацией, помимо лексических, активно используются синтаксические средства стилизации под детскую речь. Наиболее частотными среди них являются парцелляция, параллелизм, широкое использование сочинительных союзов, использование цепочки однородных членов (сказуемых, выраженных глаголами, и/или определений, выраженных качественными прилагательными).

Оба автора стремятся сохранить единство личности. «Ребёнок во мне» – таков принцип современного автобиографического повествования. Он подкреплён идеей, явленной в произведениях и позволяющей судить о чертах авторской концепции детства. Идейное единство произведений П.В. Санаева и Н.И. Нусиновой заключается в том, что ребёнок несёт в себе высокий потенциал духовной независимости и жизнеспособности. Именно ребёнок обладает интуицией добра, позволяющей безошибочно определять дисгармоничные явления действительности и отстраняться от них. Авторское внимание сфокусировано на этической проблеме ответственности за хрупкий мир детства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аратова К.Н., Лесскис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе// Серия литературы и языка. Том 35. – №4, 1976. – С. 343 – 356.
2. Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе». Сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротинина. Часть 1: 1890 - 1940. – М.-Тверь: Научная книга, 2008. – 393 с. (Труды семинара РГГУ “Культура детства: нормы, ценности, практики”).
3. Дмитриев А. Утешение историей // «НЛО», 2008, №92. – С.227-233
4. Колядич Т.М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): дисс. ... д-ра филол. наук. – М.: 1999. – 441с.
5. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424с.
6. Нусинова Н.И. Приключения Джерика: [автобиогр. повесть: для семейного чтения]/Наталья Нусинова; [ил. Анны Вронской].- 2-е изд. – Москва: Самокат, 2009. – 168 с.: ил. (Серия. Лучшая новая книжка).
7. Пелевин В.О. Код мира, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-kod/1.html> (дата обращения: 30.09.2011).
8. Ромашова М.В. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX и XXI веков// Вестник Пермского университета. 2005. Вып.:5. История. – С. 56-65.
9. Санаев П.В. Похороните меня за плитусом. М.: МК Периодика, 2007. – 184с.